

Десятки, сотни, а может, и тысячи лет в дали дальние торопится речка Говоруха. Словно по крутой лестнице стекает. Полотно — перекаты, полотно — ступени, и снова ровное полотно, потом опять зашумела на перекатах, а тут попала в тесные берега и взревела, заторопилась, стараясь вырваться из каменного плена. Вырвалась и постепенно успокаивается, чтобы потом опять взбунтоваться. Характер своенравный у реки. Пройдут дожди в верховьях — она вздувается, вскипает, а вырвется на равнину, успокаивается и несет воды в дали неизвестные. Серьезная речка, кто с ней незнаком. Но для Семеныча она говорливая, своя. И будет речка бормотать и нашептывать, пока он ловит пескаришек да плотвичек. А бывает, путники с ночевьем останавливаются, тогда всю ночь речка шепчет и убаюкивает всех, кто оказался на берегу.

Уже много лет прошло с тех пор, когда Владимир Семеныч впервые приехал сюда. По нраву пришлось ему эти места. Каждый раз, когда выпадало свободное время, он торопился на берег. Приезжал, чтобы посидеть, поговорить с речкой. И она разговаривала с ним, рассказывала о том, что произошло в деревне, пока его не было. Обо всем нашептывала, кто и чем занимался, кто в деревню перебрался жить, а кто махнул рукой и укатил в город. У каждого человека своя тропка. Одни ищут легкий путь, а другие живут и не гонятся за призрачным счастьем, потому что они уже счастливы на своей земле, возле своей речки.

Много лет Семеныч ездил к реке, а потом решил перебраться из города в деревню. Надоела суетная жизнь, ничего не держало его в городе: ни семьи, ни детей. Один, как перст, не сложилась личная жизнь. Сторговал небольшой, но добротный домик в деревушке, что была разбросана по склонам холмов вдоль реки. Правда, бывал наездами, все не решался окончательно перебраться. Понимал, что жизнь придется заново начинать, с чистого листа, как говорят. И тянул с переездом. Прикатит в деревню, посидит в доме, а потом подхватится и уходит к реке. Там ему было лучше. Он привык к одиночеству...

В один из дней, когда Семеныч приехал в деревню, к нему в гости зашли соседи: Анисим и Фаина Алешкины. Лето в разгаре. Анисим зашел, скинул глубокие галоши возле порога. Ноги грязные, разводья от края галош. Он пошевелил пальцами, дрыгнул, сгоняя ползущую по ноге муху, поправил кургузый пиджак с разодранным боковым карманом. Поддернул штаны неопределенного цвета. Наверное, сам давно забыл, какими они были. Снял шапку (в жару-то!), лицо коричневое, а лысина белая и пушочек кудрявится. Шагнул, мотнул головой и протянул кирзовую, ороговевшую, по-другому не скажешь, ладонь.

— Это... — он почесал седую небритую щеку и ткнул себя в грудь. — Я Анисим, твой сосед, а это моя жинка Файка.

— Здравсьте вам! — она поклонилась. — Я Фаина, баба его. Вот зашли познакомиться. А то приезжаешь и живешь отшельником, так сказать.

Улыбнулась, прикрыв широкой ладонью рот, где отсутствовали передние зубы. Застеснялась.

Фаина ростом была под стать мужу. Высокая. Правда, фигура какая-то грушевидная, с большим оплывшим животом, плоское лицо в россыпи не рыжих, а огненно-коричневых веснушках, которые сплошь покрывали лицо, остренький носик спрятался между щеками, маленькие глазки под выбившимися рыжими волосами. Даже пальцы были усыпаны веснушками. На округлых плечах съехавшая косынка. Откинет волосы, в ухе заметна простенькая сережка с зелененьким камушком. Сарафан с коротким рукавом, а под ним шерстяная кофта с продранными локтями.

— Здрасьте,— сказал Владимир и обвел рукой горницу.— А я Владимир Семеныч. Вот, домик купил. Правда, наездами бываю.

— И правильно сделал, что купил, Семеныч! — замотала головой Фаина и, оттолкнув мужика, заглянула в горницу.— Хорошая изба, а уж люди какие хорошие живут в деревне, таких больше нигде не встретишь. Душевные — страсть! — и запнулась.— Ничего, что по-простому, так сказать?

Владимир пожал плечами.

— Зовите, как хотите.

— А, это хорошо,— опять закивала Файка.— А мы с разведкой зашли, узнать, что за человек поселился. Услышали, что избу бабки Маньки сторговали, вот и решили заглянуть на огонек, пока опять на речку не сбежал, так сказать. Бабка Манька в город подалась к младшей дочери. А что тебя из города занесло в нашу глухомань, а?

— Речка позвала к себе,— сказал Владимир Семеныч и заметил, как заухмылялся сосед, поглаживая белую лысину.— Говорливая она. Понравилась. И природа красивая. Вот и приезжаю к ней, разговариваю. Если соберусь с духом, в деревню переберусь насовсем.

— Так у нашей речки и название подходящее — Говоруха,— захекал Анисим, поглаживая лысину, и подтолкнул жену.— Вот и я когда-то в молодости уговорил Файку на бережку. Правда, давно это было, но до сей поры живем. Можно сказать, многие там уговариваются, на бережку-то, а потом свадьбы играют.

— Эть, язык без костей! — всплеснула руками Файка и звонко шлепнула по крутым бедрам.— Уговорил... Еще неизвестно, кто кого заломал на том бережку, так сказать.

И засмеялась тоненько, весело, и заколыхалась, сморщившись, и без того маленькие глазки спрятались где-то между щеками среди коричневых веснушек.

— Ага, скажи еще, на себе женила,— заворчал сосед, а потом не выдержал и вслед за женой засмеялся.— Может и правда, что женила. Вон какая рыжая! А рыжие — бесстыжие, как мой батя говорил, хотя сам такой же был, да у нас почти вся деревня — рыжие да конопатые. Все словно под одну гребенку деланы...

Сказал, хохотнул и затоптался, поглядывая на соседа.

Владимир смотрел на неожиданных соседей и, к своему удивлению, радовался, что к нему пришли гости, но в то же время растерялся, не зная, что делать. Привык за долгие годы к одиночеству. Посмотрел, нахмурился, морщинки пробежали по крутому шишкастому лбу, и заторопился на кухню.

— Проходите, не стойте возле порога. Давайте по стопке выпьем за мой приезд,— сказал он и стал греметь в сумках посудой, разыскивая стопки.— Присаживайтесь.

Анисим громыхнул расшатанной табуреткой и уселся в уголок возле стола, шапку положил на колени. Увидев бутылку, причмокнул в предвкушении.

— О, глянь, Файка, какая прозрачная,— Анисим выхватил налитую стопку и поднял, рассматривая на свет.— Редко такую употребляем, больше к нашенской привыкли, а она — ух, воючая да крепкая! Глянь, от этой даже запаха никакого,— он

шумно втянул воздух, пригубил и снова почмокал толстыми губищами.— Как вода, даже не обжигает.

Едва дождавшись, когда Семеныч поднял рюмку, опрокинул одним глотком, замер, прислушиваясь, что внутри творилось, а потом выдохнул и заулыбался таким же беззубым, как и у Файки, ртом.

— Ох, мягко пошла, словно елеем по сердцу мазнули,— он почмокал и погладил по груди.— Все на пользу, если в меру. А для мужика мера — это ведро.

И засмеялся.

Файка пригубила. Сморщилась. Ладонью помахала перед ртом. Двумя пальцами подхватила кружочек колбасы. Посидела, дождалась, когда Владимир выпьет, а потом выпила свою рюмку, сунула кусочек колбасы в рот и замычала, закатывая маленькие глазки. Понравилось.

— Сладкая,— сказала Файка, правда, было непонятно, что сладкая — колбаса или водка. Потом взглянула на мужика и погрозила пальцем.— Симка, не балуй! Ишь, мера ведро. Опять придется тебя тащить,— и виновато посмотрела на соседа.— Слабый он, Симка-то. С виду крепкий мужик, а две-три рюмахи пропустит и, как куль, валится. Организма такая. Не принимает градусы, так сказать.

Владимир опять наполнил рюмки. Колбасу потолще накромял. Хлеб нарезал. И кивнул.

— Давайте еще по одной опрокинем,— сказал он, поднимая рюмку.— За то, чтобы жилось хорошо...

— О, за это давай,— закивал Анисим и потер белую лысину.— Хорошо жить — это хорошо!

Он подхватил рюмку, медленно выпил, сразу глаза заблестели, похорошело на душе, занюхал кусочком хлеба, вытащил из пиджачка мятую пачку, достал папироску.

— Куришь, сосед? — он взглянул на Семеныча.— Пошли, подымим...

— Отстань от человека,— заворчала Файка и широкой ладонью беззлобно вцепилась затрещину.— Может, он не курит. Иди и дыми на крыльце, а в избе не смей, так сказать.

Анисим послушно поднялся, потирая лысину, и протопал к двери, оглянувшись, хотел что-то сказать, но махнул рукой и вышел.

Поправляя платок, Файка, словно невзначай, окинула взглядом кухню, где, кроме стола, табуреток и кастрюль, ничего не было. Поднялась, кольхнув большим животом, похлопала ладонью по обшарпанной печи. Открыла кран, вода была проведена в дом, удовлетворенно покачала головой. Заглянула в горницу: на полу несколько узлов, в углу кровать с тонким матрасом, в другом углу стол, на котором стоял небольшой телевизор, а рядом старое радио и несколько книжек вперемежку с пожелтевшими газетами.

— Печку подмажем, побелим, так сказать, порядочек наведем, а вот мебелишки негусто,— она наморщила лоб, светлые бровки удивленно поднялись.— Что-то добро маловато, Семеныч. Видать, не нажил...

— Мне хватит,— пожимая плечами, сказал Владимир.— Кровать есть, радио тоже, печка с кастрюлями есть, а что еще нужно?

— Ну...— Файка задумалась, подняла голову, поглядывая на щелястый потолок.— Ну, это... Цыпляток заведи, свинку, так сказать...

— А чем кормить? — пожал плечами Владимир.— У меня за душой ничего нет, живность-то передохнет. Молочка, картошку да яйца могу в деревне купить. А остальное...

— Пора бы определиться в жизни, на одном месте осесть, а не мотаться. Вот приехал и обживайся. У нас люди хорошие, душевные. Помогут...— и, прислушавшись, она замолчала и оглянулась.

С грохотом распахнулась дверь. В избу ввалился Анисим. Шатаясь, подошел к столу. Долго смотрел на бутылку. Словно соглашаясь, кивнул головой. Налил в рюмку. Выпил. Повернулся к ним. Хотел что-то сказать, поднял руку, покачался, пытаясь удержаться за дверной косяк, и, как стоял с поднятой рукой, так и грохнулся на пол. Шапка отлетела в сторону. Заелозил на полу, а потом захрапел — густо, протяжно, громко.

— Ну не зараза ли,— всплеснула руками Файка, шагнула к мужу, пнула в бок грязной ногой.— Пробку нюхнул и все — расписался. От зараза такая! — потом взглянула на соседа.— Ладно, пусть Анисим валяется. Ничего с ним не случится. Проснется, не похмеляй его, сразу выгоняй. Ладно, Семеныч? А я побегу, хозяйство, так сказать.

Вихляя из стороны в сторону своим необъятным животом, она поправила сбившийся платок и затопала к выходу.

Так Владимир познакомился с соседями и впервые остался ночевать в своем доме...

Прежде он редко бывал в деревне. Наткнулся на нее, когда бродил по реке. И про речку-то узнал случайно. А когда узнал, решил на нее взглянуть. Приехал, побродил по берегу, посидел, послушал, как бормочут перекаты и рыба плавится на поверхности. Взглянул и остался. А потом на деревню набрел. Маленькая деревушка, если не сказать крошечная. Всего десятка три дворов, которые разбросаны по заросшим холмам, словно рассыпавшиеся кубики, а несколько домов у самой речки. Деревенские жили своим хозяйством. Правда, коров осталось не более пяти на всю деревню, но свиней да всякую птицу держали многие. А еще возле каждого дома были огороды. И каждую весну и осень соседи помогали друг другу: сажали, окучивали, выкапывали и закладывали на зиму. Речка рядом, рыбы много, а рыбаков маловато — раз-два и обчелся. Ловили помногу, но всю раздавали, едва возвращались домой. Да еще заготавливали рыбу на зиму. В бочках солили и держали на ледниках, а когда нужно было, доставали, споласкивали под водой, чтобы лишняя соль ушла и готовили.

Семеныч, бывая в деревне, заходил за продуктами, которые привозили на машине раз в неделю, если была дорога, а потом отправлялся на речку. Старался подальше уйти от людей, от жилья. Ставил палатку или шалаш, притаскивал охапку душистого сена или травы, неподалеку забивал рогатульки для котелка, приволакивал побольше дров, и несколько дней был в одиночестве, если это можно так назвать. Бывало, наловит пескариков или плотвичек, сварганит ушицу, похлебает, а потом уляжется в шалаше или в палатке и лежит, слушает бормотание Говорухи. Смотрел на воду и думал, что жизнь человека и его характер похожи на речку. Вся жизнь состоит из порогов да перекатов, из стремнины и спокойной воды, и пока идут годы, река человека тоже меняется. Ближе к порогу, что свьше отпущено, становится спокойной и широкой, словно устье речное. И характер человека такой же, как сама речка. Так оно и есть...

Иной раз, бывало, забредал пастух. Присаживался возле костра, что-нибудь спрашивал, а больше молчал. И тоже все смотрел на воду. Может речку слушал, может о жизни думал: люди, характеры, судьбы — это реки...

Когда Семеныч появлялся в деревне, его часто останавливали местные жители и начинали разговор — вроде издалека, с мелочей. Владимир присядет на лавку, они рядышком пристроятся и начинают расспрашивать про городскую жизнь и работу с зарплатой, про себя и соседей рассказывали, но чаще семьей Семеныча интересовались. А что говорить-то про семью? Дважды женился, но не получилось притереться друг к другу. Первый раз женился после техникума. Оба из детдома. Казалось бы, родственные души. Такая любовь закрутилась, хоть романы пиши. Но исчезла эта любовь, когда столкнулись с семейными проблемами. Квартиру обещали, а потом забыли. Года два-три по съемным квартирам мыкались. Он, как молодой специалист, с работы не вылезал, а когда возвращался, бывало, что за столом засыпал — так вы-

матывался. Жене не нравилось. Правильно, какой бабе понравится, если замуж вышла, а мужа не видит? Маленькие ссоры и обиды, большие ссоры и скандалы, которые все чаще и чаще возникали, казалось бы, на пустом месте. Потом у жены появились подруги. Все с ними гуляла, в кино ходила или на концерты, а потом к одной подружке на дачу поехала, к другой... Не успел Владимир оглянуться, как она уже и замену нашла ему. Собрала вещички и укатила с новым мужем. Вот и вся любовь...

Он очень сильно расстраивался, когда жена сбежала. И с бабами крутил, и водку пил, чтобы эту боль заглушить. Советовали, будто от водки полегче станет. Нет, не стало. Но в бутылку все чаще стал заглядывать. Может, так бы и скатился на самое дно но случайно оказался на берегу речки. Пьяный уснул. А проснулся, почти весь день просидел на берегу. На воду смотрел, слушал ее, как журчит, как шепчет, бормочет и показалось ему, что она живая, эта речка. И мог он ей все рассказать: про работу, про себя, жену и эту самую любовь, которая вспыхнула быстро, а погасла еще быстрее.

Потом собрался и уехал в дальние края. Всю страну исколесил. На многих великих реках побывал. Много разных людей встречал. И вторую жену там нашел — на набережной стояла, на реку смотрела. Познакомились. Гуляли. Казалось, понимала его с полуслова. Долго не решался жениться и все же женился. Хотел, чтобы семья крепкая была, чтобы жена любила и детей семеро по лавкам. Добрая девка, красивая. С работы ждала. А потом тащила его на концерты, на выставки, где знакомила с нужными людьми, которые в жизни пригодятся, как она говорила. Потом ехали в ресторан, и мужики заглядывались на нее, на ее фигуру. Действительно, хороша она была: идет по улице, и не захочешь, а оглянешься. Несколько лет прожили, а детишек не было. Она не хотела. Говорила, что не готова стать матерью, не хотела фигуру портить. И тыкала пальцем в соседок, смеялась, что, если родит, станет такой же толстой и неухоженной. Владимир предлагал съездить в детдом, усыновить ребенка, знал, как ребятишки ждут отцов и матерей. Но она отказывалась: мол, не нужна эта обуза. И Владимир не выдержал. Уехал. И опять стал колесить по стране — может, счастье искал, а может себя хотел найти. Не успел оглянуться, уже полжизни как не бывало. Работа, общага, снова работа, переезды в другие города и опять работа: и так каждый день, месяцы, годы... Мотался, пока не наткнулся на деревню, где, как ни удивительно, его всегда ждали. Радовались, когда он приезжал. И он радовался. Здесь и речку нашел, о которой мечтал. Понял Семеныч: это и есть место, какое искал долгие годы, где всегда ему рады, где душа отдыхает...

— О, Семеныч прикатил! — всплескивая руками, говорила Файка, хлопая по необъятным бокам, и тут же толкала мужика.— Я же говорила, Симка, что сегодня появится, а ты — брешешь да брешешь... Здорово, Семеныч!

Поднималась. Колыхаясь животом, протягивала широкую крепкую ладонь. Здороваюсь.

— Здорово, Семеныч! — вслед за ней вторил Анисим, поднимаясь, и тоже совал свою кирзовую ладонь.— Опять приехал к своей Говорухе? Хе-х! — и мелко закатывался, снимал шапку и вытирал мокрую лысину.— К бабам нужно ездить, а не к речке. Речка холодная, а баба теплая и мягкая, вот, как моя Файка, к примеру.

И хватал Файку за необъятный бок.

Утробно рывкнув, Файка разворачивалась и звонко шлепала по его лысине.

А Семеныч смотрел на них, смеялся и радовался, что его ждали и всегда ждут — души родственные.

— Что сидите? — Семеныч кивал.— Как дела в деревне?

— Говорю же, тебя ждем. Утром поднялась и толкаю своего, что ты приедешь, а он отбрыкивается — не может быть, не может быть... А у меня вот тут свербит,— она хлопнула по большой груди.— Вот чую, должен появиться — и все тут! Что говоришь, Семеныч? А-аа, да какие дела в деревне? Работаем, так сказать. Ага... Утром

поднимешься и не знаешь, когда до постели доберешься, а улягешься, думки одолевают: что сделали, что не сделали, что нужно сделать. И так каждый день... — потом встрепенулась. — Да, Семеныч, мы твой огород вспахали, картоху посадили для тебя. Ага... Вон несколько грядок лука, морковки... Да еще всякую мелочь... Зимой пригодится, все уйдет, так сказать.

— Зачем? — удивленно посмотрел Владимир. — Я бы купил два-три мешка, и мне на всю зиму хватит.

— Купило — притупило, — опять затрясла ладонью Файка. — Нечего деньгами сорить, ежи свое есть. И свое — вкуснее. Да, Анисим?

И толкнула мужика, который курил папироску и о чем-то перекрикивался с соседом на противоположной стороне улицы.

— Что говоришь? — Анисим, не дослушав, кивнул. — А, твоя правда! Из магазинного может быть вкусной водка, а остальное — дрянь. Кстати, Семеныч, а ты привез пузырек, а? Посевную обмыли бы. Это наши бабы с мужиками постарались. Глянь, как твоя картоха всходит. Загляденье!

Он лукаво взглянул на соседа.

— Как же, обязательно обмою посевную, — засмеялся Владимир и кивнул. — Заходите. Посидим за столом, поговорим...

Владимир всегда удивлялся, как они успевают все переделать по хозяйству. А ведь еще работа! Анисим, к примеру, мотается за десять километров в лесхоз, там на станках что-то делает. А Файка с Валькой Леоновой затемно перебираются на другую сторону речки и топают в любую погоду три километра по лесной просеке к свинарнику, где возятся до самого вечера. Вернутся и опять впрягаются в работу. И так почти вся деревня. Пять стариков да три старухи никуда не торопятся, но и то, едва начинает светать, они кружатся по хозяйству: козы, куры, гуси, огороды. А как же без хозяйства в деревне? Пропадешь!

Файка вроде бы нескладная, но сноровистая баба, шустрая. Не успели мужики вылезти из-за стола, а она уже разыскала ведро, тряпку и принялась сметать паутину из углов, со стен, окна помыла, мебель протерла, а потом выгнала мужиков, подоткнула свой неизменный сарафан, завернула рукава кофты и, несмотря на необъятную фигуру, ловко принялась мыть полы. Это в городе развозят грязь швабрами, а в деревне принято мыть руками. И Файка, вихляясь из стороны в сторону, ловко шваркала мокрой тряпкой по широким половицам. Потом согнала мужиков с крыльца, отправила на скамеечку возле двора, а сама разыскала косырь, отскоблила полы, промыла, насухо протерла. Спустилась к лужайке, нарвала травы, связала пучками и разложила по углам. Вкусно, духмяно.

Потом вышла на улицу, уселась на крыльцо, расставив толстенные ноги, вытерла вспотевший лоб и стала обмахиваться косынкой. Устала.

— Умаялась, Файка? — выглянув из-за забора, участливо сказал Анисим. — Аж пот в три ручья льется.

— Это же не рюмку поднимать, — не удержалась, съязвила Файка, а потом хотнула и веснушки побежали по лицу.

К мужикам подошел дед Нестор.

— Дед Нестор, здоров был! Помогать пришел, да? Показать, где банка с первачком стоит?

Дед Нестор — маленький, высохший старичок, лицо с кулачок, в пиджаке с подвернутыми рукавами, на котором блестел какой-то значок, из-под застегнутого пиджака видна рубаха навыпуск, штаны заправлены в шерстяные носки и в галошах, а на голове военная фуражка с козырьком. Старик приложил ладонь к уху, прислушиваясь, взглянул на Файку, потом на мужиков.

— Слышь, Анисим, когда свою бабу образумишь? — нахмурил кустистые брови

громко сказал он и погрозил пальцем.— Ишь, совсем распустилась! Вот уж, гляди у меня, ежели родной мужик не может приструнить, тогда я возьму кнут и задам тебе перца!

Владимир посмотрел на них, словно спрашивал, что произошло.

— Ай,— Файка хохотнула и махнула рукой.— Осенью, когда убрали картоху, дед Нестор пришел помогать, так сказать. Покрутился возле нас, потоптался, а помощник-то плохой: ни лопату взять, ни ведро принести... Когда сели передохнуть, говорю ему: мол, принеси банку с перваком, я приготовила, да на столе забыла. Отправила. Ждем-пождем, а деда нет и нет. Захожу, а дед Нестор лежит на полу в обнимку с банкой и храпит, аж стены трясутся. Зараза, отпил и тут же упал! А первак у меня — ух, какой, быка свалит! Видать, лишку хлебнул. И свалился. Ладно, хорошо хоть банку не разбил. Обхватил ее, как клещ вцепился, едва смогла забрать. Сам падай, а банку спасай, так сказать.

И засмеялась тоненько, визгливо, протяжно.

— Вот, говорю же, не баба, а язва первостатейная! — дед Нестор ткнул пальцем.— Никакого покоя от нее. Как повстречает, так и тычет, так и напоминает. Да я выпил-то глоточек, решил пробу снять, так сказать, даже вкуса не успел почуять, как ноги ослабли и я свалился. Видать, организма слабая стала, а раньше, бывало, ух как принимал на грудь, а сейчас...— он махнул рукой, а потом ткнул в Файку.— А она до сей поры житья не дает. Совсем загрызла из-за одного глоточка. Все бабы такие, все! Ты, Володька, правильно сделал, что не женился. Это не бабы... Это чудища заморские с клыками! Я и бабку свою так называю — чудо-юдо. Ага, вот...

И запыхтел, рассердившись.

А Файка еще громче закатилась, зашлепала по толстым ляжкам.

— Ладно, дедка, не сердчай,— махнула рукой Файка.— Я ж не со зла, а так просто, чтобы настроение поднялось, так сказать. Вон Семеныч приехал — это же хорошо. Посидим, поговорим, и душа радуется. Да, Анисим?

— Что говоришь? — Анисим вытянул шею.— А, да, правда твоя! Слышь, Семеныч, а что не переезжаешь-то, а? Домик взял, а сам туда-сюда катаешься, только деньги зазря переводишь. Ты же говорил, что один живешь. Ни семьи, ни детей... Болтаешься по жизни, как коровья лепешка в проруби...

— Ну, сказанул! — повысила голос Файка и звонко, привычно вlepила затрещину.— Дед Нестор, что говорю-то, вон Семеныча уговариваем в деревню перебраться. Дом купил, а сам в городе пропадает. Определился бы, так сказать...

— Что? — морщинистое лицо старика еще сильнее сморщилось, он приложил ладонь к уху и опять взглянул на Файку.— Что болтаешь, а?

— Что-что... глухая тетеря,— буркнула Файка и повторила громко: — Семеныча уговариваем, чтобы к нам переехал.

— Так у вас же изба маленькая,— ткнул пальцем старик.— И семеро по лавкам. Пусть ко мне перебирается. Я же вдвоем с бабкой живу. Всем места хватит. И веселее будет...

— Эть, глухарь,— отмахнулась Файка и повернулась к соседу.— Что скажешь, Семеныч?

Владимир оглянулся, посмотрел на деревню. Красивая она. Небольшая. Домики на холмах словно игрушечные. Возле каждого огорода — ровные, зеленые, ухоженные. И лес. На другом берегу сосны — огромные, толстенные, красивые. Стоят, вытянувшись, речку стерегут. А здесь разрослись дубы да березки. Дубы кряжистые, будто мужики заматерелые. Раскинули свои кроны. Ни солнце, ни дождь не пробивается сквозь листву. Всегда прохладно, всегда полумрак, лишь ветер шумит в кронах. А березки светлые, чистые, прозрачные. Растут, словно девчонки хороводы водят. Одна за другую цепляется и ведут, уводят по склонам холмов и ярко в них, зелено и про-

зрачно. И речка-говорунья. Сама чистая да стремительная. С весны, едва лед сойдет, и до осени, до ледостава бормочет, звенит на стремнине да перекатах и ласково нашептывает в заводях и на плесах. Там и сям кустанята заросли по берегам, есть мелководье, где каждый камушек заметен под спокойной и чистой водой, где мальки-сеголетки греются под солнцем и тут же скрываются, если сюда забредет щука-хищница.

Но есть и темные бездонные омута, где до дна не достанешь, и живут в них преогромные рыбины, и даже, как говорят, видели русалку. По вечерам, когда солнце скроется за Егорьевскими холмами, там лучше не купаться, а то русалка может утащить в глубину. Опутает она, закружит и пропадешь. А пониже деревни начинаются перекаты. Вода бурлит, бормочет, но за дальними поворотами успокаивается, вширь раздается, затопляя низкие места, и становится медлительной, степенной и неторопливо журчит, а если ветер потянет, белые барашки гуляют по реке. Дальше берега вновь сужаются, становятся обрывистыми и снова речка, словно с цепи срывается, показывая путнику свой нрав...

И люди в деревне живут не такие, как в городе, а проще и чище, и души у них светлые, грязью не запятнаны. Они привыкли жить для других, а не для себя. Они поделятся всем, что у них есть, придут на помощь всегда, когда нужно, и помогают легко, словно так и должно быть. А может и правда, человек так и должен жить? Жить и творить добро прежде не для себя, а для других, как принято здесь, в этой деревне. Принято не ими, а предками, теми, кого уж давно нет и имена забыты, а внутри, в душе заложено сочувствие к близкому.

Семеныч вздохнул. Посмотрел на соседей. По пригорку протарахтел мотоцикл. Это Андрейка Демушкин помчался в соседнее село. Видать, мать отправила. Вон, рюкзак за плечами. Наверное, в магазин... К скамейке подошел старик. Это Иван Мелентьев. Жену похоронили, так и живет один. Дети звали к себе, отказался. Негоже покидать места, где родился и вырос, где отцы и матери похоронены. И старик остался, чтобы докуковать свой век. Дед Иван стоял и тоже смотрел на Семеныча. Наверное, соседи рассказали, а может, уже давно разговор был в деревне, чтобы Семеныч сюда перебрался. Кто его знает...

— Думаю, пора переезжать, — после долгого молчания попытожил Владимир. — Пора новую жизнь начинать. Правду говорите, меня ничего в городе не держит. И никто. Сюда приезжаю, и душа отдыхает, радуется. Договорюсь с шофером, и вещи перевезу. Правда, пока не знаю, чем буду заниматься.

И посмотрел на соседей.

— Был бы человек, а дело всегда найдется, — сказал старик Мелентьев. — Вон будешь рыбу ловить, к зиме дрова готовить. Зимы суровые, долгие. Дров много нужно. Рыбу умеешь солить, как мы заметили. Вот и станешь помогать, а остальным делам научим. Бабы с огородом помогут. Ну, там, прополоть, окучить... Осенью на помощь придем, выкопаем, да в погреб уложим. А захочешь работать, можешь в лесхоз пойти. Будешь вместе с Анисимом доски тягать да за станками стоять. Без работы не останешься. Она сама тебя найдет.

— Ай молодец, Семеныч! — всплеснула руками Файка. — Вот уж наши обрадуются! Ты, Семеныч, не беспокойся, мы всегда рядышком, всегда поможем. В любое время покричи, позови, и мы придем, так сказать. Да, Анисим?

И толкнула мужика.

— Что говоришь? — встрепенулся Анисим и стащил с головы потертую шапку — сразу бросилось в глаза его темное лицо и белая, даже какая-то голубоватая лысина. — А, правда, Файка, истинная правда! Танька Ерохина наемни тобой интересовалась. К чему бы, а? По деревне слух прошел, будто вас видели на бережку. Что там делали, а? Таньку уговаривал, да? — посмеиваясь, он покосился на Семеныча. — И Серовы с Нилиными спрашивают, и бабка Матрена. А дед Кислота вообще прохо-

ду не дает. Как встретит, так начинает про тебя расспрашивать. Видать, по праву пришелся. Все нам рассказывает, как его от смерти спас, всю свою кровушку до последней капельки отдал и последнюю рубашку с себя снял. А мы, будто растерялись, заохали-заохали и палец о палец не ударили, чтобы деда Кислоту спасти. Ну, ему трудно угодить, не зря же прозвали так: Кислота, он и есть — Кислота...

Деда Митрича в деревне все называли Кислотой за его беспокойный, вредный и ехидный характер, за то, что влезал везде, где не нужно, что чихвостил любого, кто под руку попадется и все с ехидцей. Все норовил носом ткнуть да посильнее и поглубже, а если вставишь слово поперек, жизни не даст, днем и ночью покоя не будет. Наверное, таких, как дед Кислота, в каждой деревне можно встретить. Семеныч познакомился с ним на речке, когда сидел в шалаше, а дед Митрич неподалеку траву косил. Видать умаялся на жаре, солнце башку напекло. Ну и того, крутнулась коса в руках, и располосовал ногу почти до колена. Заблажил на весь берег, заматерился. Такие этажи выстраивал! Откуда слова находил! А Семеныч сидел в шалаше и не мог понять, что произошло. Думал, старик косу поломал, ну, в крайнем случае, ногу подвернул или руку потянул, махая косой-то. Но потом почудилось, что дед Митрич голосом ослабел. Семеныч подошел. Глядит, старик на траве валяется. Вокруг кровящи — ужас! Ну, Семеныч выдернул ремень, потуже перетянул ногу ему, рубашку разорвал, перемотал, а потом на спину взгромоздил старика и пустился в деревню. Пока добрался, тот уже в беспамятстве был. Машину подогнали, старика загрузили, и Семеныч стал подгонять шофера, чтобы быстрее мчался. Добрались до больницы, дед совсем заглохел, еле дышал. И опять его подхватил на руки и быстрее к врачам. Да еще пришлось кровь сдавать. Семеныч вышел из больницы и не удержался, прямо возле дверей в бессилии на землю так и сел. Голова закружилась. Потом врачи сказали: еще бы чуточку позже приехали — и все, старика бы не спасли.

С той поры дед Кислота называл Семеныча своим спасителем. Всем говорил, как тот его на горбе аж до самой больницы ташил, и отрезанную ногу в руках держал, и не отходил от него ни на шаг, дневал и ночевал на половичке возле кровати. И кормил его всякими фруктами заморскими, и даже заморское вино приносил, чтобы кровь быстрее по жилам побегала. Семеныч хмыкал, слушая историю старика, обросшую небывальными подробностями. Ладно, пусть говорит, что хочет, главное — успели спасти...

С той поры дед зачастил к нему. Так, словно случайно мимо проходил, заглянет, покурит на крыльчке, невзначай забудет десяток яиц, баночку сметанки, а то шматок сала принесет, а однажды приволок живого гуся, чтобы Семеныч его в город забрал, а там уж оприходовал. Хороший старик, душевный, только с виду ершистый.

— И бабу тебе найдем,— тоненько засмеялась Файка, шлепая по своим бедрам. Потом посерьезнела.— Вон Танька Ерохина по тебе сохнет. Ага, так и стреляет глазками, когда приезжаешь. Хорошая баба, душевная, а живет без мужика — это не годится. У каждой бабы должен быть мужик. Ага... Не бойсь, Семеныч, сосватаем! Ты же еще не старый, так сказать. Вон, какой здоровущий! Не дело, когда без семьи. Детишки нужны. Состряпаете. Состаришься, будет кому стакан воды подать, а то живешь непонятно для чего. Слышь, Семеныч, а почему детей не народил? Здесь все свои люди,— так, словно невзначай, спросила Файка.— Признайся, может у тебя того...— она кивнула на него и неопределенно махнула.— Ну, бывает же всякое в жизни, так сказать...

— Дура, что болтаешь-то! — рявкнул Анисим.— Постыдилась бы...

— А что тут такого? — Файка округлила маленькие глазки.— Это жизнь. Вспомни, как с тобой в бане мылись,— она хохотнула, толкнула мужа, а потом взглянула на Семеныча.— В баню пошли с ним. Попарились, уже мыться стали да ополаскиваться, Анисим протягивает ковшик и говорит: «Плесни!» А мне почудилось — сполосни. Я посмотрела на него. Удивилась: сам что ли не может ополоснуться. Лодырь! Ну и того... Взяла ковш, а воду не потрогала и плеснула, а там кипяток оказался. Не

целила, а попала туда... Куда-куда... Прямо туда! Анисим рывкнул, а потом сиганул из баньки, аж дверь с петель снес. И, как был голышом, так и помчался к речке. А там наши бабы постирушки устроили. Он мимо них пролетел, блажит дурным голосом. Сиганул в речку, только задница мелькнула. Все бабы в лежку лежали, а бабка Дарья клялась-божилась, что успела его хозяйство на лету разглядеть, когда через нее прыгнул. Говорит, хороший мужик, крепкий,— и Файка закатилась, хлопая по толстым ляжкам.— Не жалуюсь, мужик-то хороший, а там, куда кипятком попала, все пузырьками покрылось. Думала, отвалится. Долго лечила. Всякими мазями мазала да примочки ставила, да его жалела, обнимала да голубила. Видать, понравилось. Едва болячки прошли, Симкино хозяйство заработало. Да так, словно молодость вернулась! Ну и того... На старости лет последышка, младшенькую доченьку выстругали, так сказать. Хорошая девчонка растет, смышленая. В нас пошла. Видишь, как в жизни-то бывает. Может, Семеныч, и тебе плеснули? Поэтому и ребятишек не народил. Ты уж скажи...

И Файка заколыхалась, тоненько засмеялась.

— Не баба, а настоящая язва! — рывкнул Анисим, потом взглянул на мужиков.— А я думаю, дома нужно с бабами спать, а не шляться по белу свету. Мотался по жизни — ни себе, ни людям,— ткнув корявым пальцем вверх, громко сказал Анисим.— Вон, глянь по деревне, в каждой семье пять, семь ребятенков, а у некоторых еще больше. И знаешь, почему? Да потому, что бабу от себя ни на шаг не отпускаем. Вон сколько настрогали. И все живут! Никто с голоду не помер, наоборот, одна польза для семьи. Вот вырастишь детишек, они уедут куда-нибудь, а потом прикатят в гости, и такую гулянку устраиваешь — дым коромыслом!

— Да уж, правду говоришь,— вступил в разговор дед Митрич.— Вон к Петрайкиным сынок приезжал, так гуляли, так кутили целую неделю, аж всю живность, какая у них была, всю сожрали. Даже косточек не осталось. А соленья-варенье — это без счета. Все припасы под метелку. Ага... А сколько выпили — ужас, я подсчитал: можно было целых два года каждый день по стаканчику опрокидывать и еще бы осталось. А они угощали всех, кто в избу заходил или мимо проходил. Хорошие люди, душевные... Вот это гуляли, мы понимаем! А сынок укатил, Петрайкины зубы на полку. Всей деревней помогали до нового урожая дожить. Зато как встретили, на всю жизньюшку память останется. Что говоришь, Семеныч? Нет, ты ошибаешься, в нашей деревне не пьют. У нас гулять любят.

— Что ни говори, мужики, а у нас хорошие люди живут в деревне, душевные. И жизнь хорошая была и есть,— сказал старик Мелентьев.— Если взять меня, я никогда не жаловался на свою жизнь. Войну прошел, голод и холод, все повидал, все испытал. Всякое в жизни бывало, а не жаловался. И вот дожил до старости, смотрю на всех, и душа радуется, что вокруг меня люди хорошие. Ага... Вот взять тебя, Файку с Анисимом, даже взглянуть на нашего деда Кислоту — он ведь только с виду вредный. Вот подумайте, сколько всего у вас было в жизни, через какие препятствия прошли, что видели, с чем столкнулись, а сейчас сидите и радуетесь жизни. А почему? Да потому что вокруг люди хорошие, которые всегда на помощь придут. Ага...— он махнул рукой, обводя деревню, а потом ткнул пальцем вверх.— Придет наше время, порог переступим и уйдем туда, где нас ждут мамки с папками и дедки с бабками. И такая дорога у всех. Ага... Жизнь похожа на нашу речку Говоруху: вода течет, и наши годы идут,— старик Мелентьев посмотрел на Семеныча, словно в душу заглянул.— От истока до устья вода прошла и состарилась, а на ее месте уже новая течет. Так было всегда. Каждый день, каждую неделю, месяцы, годы — без конца.

Старик Мелентьев замолчал. Смотрел куда-то вдаль. И все сидели и молчали. Наверное, думали о своем, сокровенном, о судьбах, сплетающихся в один жизненный круг. И о речке Говорухе, которая пережила многих. И скольких еще переживет...

